

Андрей Владимирович Головнёв¹
Andrei_golovnev@bk.ru

ПЁТР I И ПЕРВЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ (ОЧЕРК АНТРОПОЛОГИИ ПУТЕШЕСТВИЯ)

В статье царь Пётр I предстаёт как путешественник, своими поездками и изысканиями, в том числе научными, задавший тон и темп экспедициям, имевшим целью исследование границ и ресурсов, описание природы и народов империи. Антропология путешествия позволяет сосредоточиться на мотивах и состояниях самого путешественника, восприятию пути, эффектах открытия. Петровская эпоха была временем становления науки в России и, соответственно, первых исследовательских экспедиций. Особого внимания заслуживает восьмилетнее научное путешествие в Сибирь доктора медицины Даниэля Мессершмидта. Целый ряд событий нарушил первоначальную программу его научной деятельности в России, и Мессершмидт был вынужден заново конструировать тематику и маршруты экспедиционных работ. Увлечение востоковедением, прежде всего культурой Китая, придало его путешествию самобытный и в чём-то рискованный характер, вызвав раздражение в правительственных инстанциях и повлияв на дальнейший ход экспедиции. Мессершмидт оказался в опале и психически сложном состоянии, был выдворен из пределов Китая и выслан из Сибири. При этом он продолжал вести исследования энциклопедического размаха, поражая современников и потомков обстоятельностью и богатством наблюдений. Первая сибиреведческая экспедиция до сих пор остаётся яркой, но противоречивой и в чём-то курьёзной страницей научного наследия России.

Ключевые слова: антропология путешествия, экспедиция, Пётр I, Даниэль Мессершмидт.

Andrei V. Golovnev¹
Andrei_golovnev@bk.ru

PETER THE GREAT AND FIRST EXPEDITIONS (AN ESSAY ON THE ANTHROPOLOGY OF TRAVEL)

The paper describes Tsar Peter the Great as a traveller who through his travels and explorations, including scientific ones, set the tone and pace for expeditions aimed at exploring borders and resources, describing nature and the peoples of the empire. The anthropology of travel allows focusing on reasons and states of the traveller, perception of the journey and effects of the discovery. The epoch

¹ Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия.
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS, Saint Petersburg, Russia.

of Peter the Great was the time of the formation of science in Russia and the first research expeditions accordingly. The eight-year scientific journey to Siberia by Daniel Messerschmidt, MD, deserves special attention. A series of events disrupted the original program of his scientific activities in Russia, and Messerschmidt was forced to reorganize the themes and routes of his expeditions. His passion for Asian studies, primarily Chinese culture, gave his journey a distinctive and in a way risky character, caused irritation among the government authorities and affected the future of the expedition. Messerschmidt was disgraced and mentally disturbed, expelled from China and exiled from Siberia. At the same time, he continued to conduct research of the encyclopedic scope impressing contemporaries and descendants with thoroughness and richness of observations. The first Siberian research expedition remains a bright but controversial and curious page of Russia's scientific heritage.

Keywords: Anthropology of travel, expedition, Peter I, Daniel Messerschmidt.

Пётр I, в отличие от Марка Аврелия и Фридриха II, — не философ на троне, а царь-путешественник. Ему, как и им, было свойственно пристрастие к наукам и искусствам, но не в палатах и дворцах, а в походах и странствиях. Чем менее всего известен Пётр — так это сидением на троне. Своими вояжами на суше и по морю он превратил страну в морскую империю, пересёк полярный круг, снарядил экспедиции в Азию, Америку и Африку. Впрочем, родился Пётр не странником и не мореходом, а сухопутным московским царевичем, в детстве страдавшим водобоязнью, которую он одолел лишь в юношестве, увлечшись парусными манёврами на Яузе. С тех пор преодоление страхов и иных преград стало привычкой и даже увлечением царя, обозначившего на одной из медалей своё жизненное кредо — «Небываемое бывает».

Антропология путешествия, в отличие от описаний географических открытий, сфокусирована на мотивах и состояниях самого путешественника, а в отличие от привычного подхода к истории, уделяет повышенное внимание сюжетам, кажущимся вторичными, — обстоятельствам и следствиям пересечения границ своего и иного пространства [8]. В проекции антропологии путешествия важны три ракурса: 1) мотив движения, 2) восприятие пути и себя в пути, 3) эффект открытия и превращения. Путешествие — не только созерцание действительности, но и её преобразование во взаимодействии пути и путника, поскольку переход из обыденности в новую реальность сопровождается не только преодолением расстояния, но и изменением состояния. Исследования туризма показали, что в путешествии человек настроен на новизну и ищет смены ощущений; если же по возвращении на родину он «не чувствует себя обновлённым, туризм теряет смысл» [34, р. 2]. Распространяется ли подобный взгляд на царя? Если

ничто человеческое царям не чуждо, то к ним применимы все обычные измерения антропологии, включая ракурсы путешествия. Сложность (и интрига) царской антропологии и этнографии состоит как раз в том, чтобы «по-человечески» рассмотреть мотивы и эффекты пути монарха.

ЦАРЬ-ПУТЕШЕСТВЕННИК

Всё началось на Яузе, где царевич Пётр увидел ход под парусом против ветра того самого ботика, который получит прозвание «дедушки русского флота». Вскоре «мотив паруса» перерос в «мотив моря», а страх воды обратился её обожанием. Все эти превращения произошли в ходе поиска Петром собственного пути: если ранее он следовал предписаниям наставников, находясь под опекой матушки Натальи Кирилловны, то отныне принялся торить свои дороги, прежде всего по воде.

Увлечение Петра судовождением изменило обычную череду церковных служб и ритуалов «дворцового обихода». Например, в апреле 1690 г. он выехал в Коломенское необычным путём — «Москвою рекою в судах... а к тому его государскому шествию изготовлено было плавное судно особым образом, на корабельное подобие, с парусы и с комнаты»; в марте 1691 г. на воду была спущена построенная самим Петром большая яхта, на которой в апреле он пару раз ходил в Коломенское, «несмотря на дурную погоду и сильный противный ветер»; в начале 1692 г. царь совершал частые поездки в Переславль-Залесский, где «с увлечением предавался кораблестроению и плаванию на озере», причём «сам принялся в Переяславле за постройку корабля и до такой степени увлёкся этой работой, что решительно забыл обо всём окружающем» [3, с. 103, 120, 136, 139]. В рутине московской жизни Петра наметился новый ритм, включавший постройку к весне очередного судна (при непосредственном участии царя) и открытие навигации апрельским плаванием. Обозначился и порядок действий, повторившийся позднее в закладке Петербурга: за судостроением следовало градостроение — на южном берегу Плещеева озера царь возвёл, помимо пристани и верфи, церковь, батарею и дворец.

Зимой и весной 1693 г. всё шло своим чередом: Пётр ездил в Переславль, где готовилась к навигации «потешная» флотилия. В мае он «недели три плавал по озеру Плещееву», однако «эта поездка была последнею: чрез два месяца он перенёс свои потехи на волны океана и с тех пор посещал Переславль-Залесский только проездом из Москвы к Архангельску, да пред началом Азовских походов»; верфь и дворец на Плещеевом озере были заброшены, а построенные суда «гнили и разрушались» [28, с. 145]. В конце июля 1693 г. он прибыл на карбасах по Северной Двине к Белому морю со свитой в 100 чел. В Архангельске

его ждала двенадцатипушечная яхта «Св. Пётр», приготовленная для морского путешествия на Соловки. Однако царь предпочёл курс на Поной в компании голландского капитана Йолсена, возглавлявшего направлявшуюся из Архангельска в Европу англо-голландскую флотилию. Пётр пересёк полярный круг, чего ни до, ни после него не делал ни один царь.

С живейшим любопытством следя за всеми движениями английских и голландских судов, любясь их стройным ходом, красивою, доселе невиданною наружностью, ловкостью и искусством матросов, Пётр почти не заметил, что он отдалился от Архангельска более чем за 300 вёрст и что уже недалеко был Северный океан [28, с. 151].

Итак, страсть Петра к парусным манёврам вывела его на морской простор. В своих воспоминаниях он отмечал каждый шаг на этом пути: сначала ему стала «узкая вода» Яузы, и он велел «перевести судно то на Просяной пруд»; затем пруд тоже оказался тесен, и царь отправился на Плещеево озеро, а также «изволил ездить» на Кубинское озеро. Наконец он осознал, что его стесняют берега, и «положил своё намерение видеть воду охоте своей равную, то есть прямое море». Так царь добрался «к городу Архангельскому и оттуда на яхте своей, именуемой Святой Пётр, ходил до Поноя» в компании голландских и английских мореходов. Оставался лишь шаг от игры до стратегии, от бота до флота, и Пётр сделал этот шаг — «всю мысль свою уклонил для строения флота». Словами Морского устава, «ботик не к детскому только гулянью послужил ему, но подал вину к великому флота строению» [10, с. 7—9].

Вторую навигацию в Архангельске Пётр открыл плаванием к Соловкам в начале лета 1694 г. На этот раз он всерьёз приобщился к мореходству, стоя на руле трещавшей от ураганного ветра яхты «Св. Пётр». У Унских Рогов в Двинской губе он едва избежал гибели и в ознаменование спасения собственноручно срубил памятный крест с надписью по-голландски: *Dat kruys maken kaptein Piter van a. Cht. 1694* — «Сей крест сделал капитан Пётр в лето Христово 1694» [28, с. 168, 172; 13, с. 351].

Вкусив сполна тягот арктического мореходства, Пётр перевёл взгляд с северного моря на южное и предпринял два похода на Азов в 1695—1696 гг. Царское войско на худых судах добралось до Царицына и посуху перешло к Воронежу, где его ждала флотилия из тысячи стругов и будар. Целью азовской кампании был выход к морю, а в целом в этих походах к северному и южному морям Пётр охватил пространство междуморья на древнем пути из варяг в греки.

Великое посольство в Европу 1697—1698 гг., рассматриваемое обычно с позиций международной дипломатии, на самом деле исходило из того же «мотива моря»: в наказе посольству, написанном

собственноручно Петром, все 12 пунктов были посвящены морскому делу: найму капитанов и набору команд, постройке и оснастке кораблей, морской артиллерии и организации адмиралтейства, и Пётр в этом наказе «весь перед нами со своей страстью к морскому делу» [4, с. 10—11]. В составе посольства числились три десятка «волонтеров», направившихся учиться «навигацкому делу», в том числе сам царь (под именем урядника Преображенского полка Петра Михайлова). По сути, эта поездка преследовала цель обретения корабельного мастерства и мастеров — при каждом удобном случае Пётр вербовал и направлял в Россию моряков и корабелов. Все остальные интересы — артиллерия, фортеции, наука, художества — вращались вокруг морского дела.

Официальное посольство во главе с Францем Лефортом двигалось по суше, а Пётр предпочитал воду (море, каналы, реки). По словам венецианского посла Рудзини, царь «так увлечён мореплаванием, что не желает путешествовать иначе, как водою». Молва доносила, что в Митаве, Либаве и Пиллау он называл себя «капитаном Петром», носил шкиперское платье, фамильярничал со шкиперами и щедро их поил в винных погребках. Даже на высокие рауты Пётр являлся в костюме моряка: например, на приёме в замке герцога Цельского в Коппенбурге 11 августа 1697 г. он был «одет по-матросски в красное сукно с несколькими небольшими золотыми галунами, белые чулки и чёрные башмаки». На вопрос курфюрстины Ганноверской Софии, любит ли он охоту, царь ответил, что отец его любил, но «у него с юности настоящая страсть к мореплаванию и к фейерверкам», и он «сам работает над постройкой кораблей, показал свои руки и заставил потрогать мозоли, образовавшиеся на них от работы» [4, с. 50—57, 115—117].

По ряду признаков путешествие Петра по Европе (Великое посольство) 1697—1698 гг. напоминает классическую этнографическую экспедицию: оно длилось полтора года (с превышением выверенного срока полевого погружения в изучаемую культуру), тематически охватывало обширный спектр жизнедеятельности европейцев, предполагало «включённое наблюдение» (с соучастием) и даже «растворение» царя-инкогнито «в среде изучаемого народа»:

[В Голландии] Его Величество путешествовал иногда в платье, которое носит простой народ его, а иногда одевался как дворянин, но большую частью, приезжая в морскую пристань, он ходил там в одежде голландского шкипера, чтобы смешаться с толпою прочих моряков и менее обращать на себя внимание.

[В Англии] он обыкновенно одевался по английской моде, иногда как джентльмен, иногда как матрос, и здесь, как в Голландии, выходил обыкновенно в сопровождении нескольких лиц, чтобы не обращать на себя внимания [23, с. 102, 107].

Двадцать лет спустя, во второй поездке по Европе, длившейся два года (1716—1717), Пётр предстал уже не учеником, а распорядителем, за спиной которого маячила победоносная армия. Этот тур был мотивирован, с одной стороны, дипломатией затянувшейся Северной войны, с другой — поправкой здоровья на водах (Пирмонта и Спа), с третьей — замыслом просвещения и развития наук, с четвёртой — планом устройства брака племянницы Екатерины (с герцогом Мекленбург-Шверинским Карлом-Леопольдом). Пётр объехал пол-Европы: Данциг, Гамбург, Пирмонт, Росток, Копенгаген, Бремен, Амерсфорт, Утрехт, Амстердам, Саардам, Спа, Гаагу, Лейден, Роттердам, Париж [1, с. 33—35]. В этой поездке он уже смотрит на Европу с высоты своего роста: на свадьбе племянницы-царевны ведёт себя по-царски, в отношении польского короля Августа демонстрирует превосходство фейерверками и парадами, балтийские города объезжает со своей эскадрой кораблей.

В этой поездке случился эпизод, вошедший в коллекцию исторических анекдотов про царя Петра и наглядно характеризующий поздний стиль его путешествий по Европе. Будучи в Данциге, Пётр посетил местную церковь и, сев рядом с бургомистром, слушал проповедь.

Почувствовав, что открытой его голове холодно, снял он не говоря ни слова большой парик с сидящего подле него бургомистра и надел себе на голову. И так бургомистр сидел с открытой головою, а государь в большом парике до окончания проповеди; потом же снял он парик и отдал бургомистру, поблагодарив его небольшим наклоением головы [31, с. 38].

Рассказчик оправдывает Петра: дескать, не впервые он пользовался чужим париком, и вообще, что оставалось делать царю, если его голова стала замерзать; обычно он снимал парик с князя Меншикова, а тут под рукой оказалась голова гданьского бургомистра. По этому случаю видно, что в 1716 г. Пётр уже мог невзначай попутать головы своих слуг и градоначальника вольного Данцига.

Не менее экстравагантно и в то же время этнографично Пётр вёл себя весной 1717 г. в Париже, где в ту пору ещё не простыл антирусский дух недавно усопшего Людовика XIV. В течение двух месяцев русский царь изучал Францию, а Франция пристально следила за каждым его жестом. Вот он рассматривает разрушенные фортификации Дюнкерка, вот он садится в карету и кулаком вышибает из неё пытавшегося составить ему компанию маркиза Майи де Неля (комментарий камерюнкера де Либуа: в «характере царя... встречаются зародыши добродетелей, но они в диком состоянии»). Вот по прибытии в Париж он обходит приготовленные для него в Лувре апартаменты покойной королевы-матери, отражается в роскошных зеркалах, выпивает два стакана пива,

просит кусок хлеба с репой и, недовольный чрезмерной роскошью, переезжает в отель маршала Ледигьера, где укладывается на кровать для слуги в гардеробе (гул отзывов: «Варвар»). Кардинал Дюбуа вообще называет Петра «сумасшедшим, рождённым быть помощником боцмана на голландском судне». Впрочем, экстравагантность царя вызывает и восторги, вроде дамских восклицаний «Здесь все от него без ума»; Париж реагирует на Петра как умеет: присущая царю небрежность в одежде вызывает моду в стиле *habit du Tzar ou du Farouche* — «одежда царя или дикаря» [14, с. 84, 102—103, 241, 247—248].

Вместе с тем европейцев поражал диапазон интересов русского монарха. Казалось, в Париже не осталось мест, куда не заглянул бы Пётр: площади, мастерские литейщиков, плотников и столяров, арсенал, ботанический сад и сад аптекарей, мануфактура гобеленов, стекольный завод, обсерватория, дом инвалидов, собор Парижской Богоматери, приют для подкидышей, королевская библиотека, типография, галереи и академии Лувра, дворцы и парки Версаля... Как заметил наблюдательный маркиз де Лувиль, цель поездки Петра состояла в изучении Франции:

Он много умеет, и нет ни одного человека во Франции ни во флоте, ни в армии, ни в фортификации столь же знающего, как он... Он знает Францию так, будто он здесь вырос [14, с. 249].

Путешествия Петра, помимо любознательности, были мотивированы интересами государствостроительства. Он изучал Европу для использования приобретённых знаний в практике царствования. Пётр стремился к европеизации своей страны, но по собственному сценарию. Европейские науки и искусства он применяет для достижения военного и политического превосходства. Если на первых порах шла исключительно европеизация России, то впоследствии прослеживается своего рода «петровизация» Европы. Это видно по расширению военного присутствия русских войск вплоть до Голштинии и Швеции, по нарастающему контролю вновь рождённого русского флота над Балтикой, по европейской матримониальной политике Петра, начиная с женитьбы сына Алексея на принцессе Шарлотте Брауншвейг-Вольфенбюттельской 13 октября 1711 г. в Торгау. Наконец, упомянутая выше парижская мода на русского царя служит мимолётным, но ярким подтверждением этой «петровизации» [9].

Военные походы царя сложно назвать путешествиями, хотя антропология знает такого рода «странствия»: крестовые походы как «вооружённые паломничества» или рейды конкистадоров как «великие географические открытия». Их принято считать завоеваниями, но по ряду признаков они отвечают понятию «путешествие» (мотив открытия,

преодоление рубежей и покорение пространства). В свою очередь, каждый путешественник до сих пор чем-то напоминает завоевателя, посягающего на чужую территорию, и не случайно массовые нашествия туристов часто называют вторжениями.

Царские путешествия не могли не обладать своими особенностями. Царь Пётр не только созерцал, но и овладевал, и не только знаниями, но и их носителями — мастерами, которых он тут же нанимал, диковинами и книгами, которые скупал. Чем-то поведение Петра в европейских лабораториях, мастерских и кунсткамерах напоминало промысел наук и художеств.

В пространственном смысле поиск своего моря привёл Петра на Балтику, ровно туда, где когда-то проходил путь из варяг в греки, ставший изначальной варяжской Русью. Пётр возродил этот путь, увенчав его новой имперской столицей — «северным раем» Санкт-Петербургом. Тем самым город стал и концом пути Петра (его усыпальницей), и началом нового пути России, и перекрёстком российских и международных путей.

Движение Петра от моря до моря породило цепную реакцию движения империи от океана до океана. Самопознание страны предполагало прежде всего определение её рубежей и отладку отношений с соседями. Между тем просторы империи казались бескрайними, а сроки их изучения или хотя бы объезда — бесконечными. В начале XVIII в. понятно было лишь то, что осуществить необходимые для познания страны далёкие и длительные поездки можно было только по воле или при поддержке царя, и, соответственно, все ранние исследовательские путешествия были прямым продолжением петровской геополитики.

НАЧАЛО ЭКСПЕДИЦИЙ

При Петре русский словарь пополнился словом «экспедиция», происходящим от голландского *ekspeditie* или немецкого *Expedition* («поручение») и первоначально означавшим государево задание, а затем приобретшим в обиходе Адмиралтейств-коллегии и Академии наук значение исследования и путешествия. Прежде странствия в русской летописной традиции обозначались словами «поиде», «поеха», «хожение» (к ним относились разного рода дальние торговые, религиозные, военные, промысловые, брачные поездки и походы); в народе дальние странствия назывались «гуляниями». Слово «путешествие» сложилось в риторике церковнослужителей как калька с греческого *ὁδοπορία* («путешествие»). При Романовых «путным шествием», с лёгкой руки патриарха Филарета, стали называть поездки царской семьи, а затем «шествие» вошло в пастырский лексикон широкого круга архиереев [8].

В XVIII в. этот круг понятий пополнила «экспедиция» в значении исследовательской поездки по государеву заданию (в сегодняшних смыслах нечто среднее между путешествием и командировкой).

Из числа этих «хожений» и «гуляний» экспедиция выделялась тем, что направлялась царской волей для решения государственных задач. В XVIII в. такого уровня задачей было изучение империи — её природы и народов, местностей и границ. Пётр так и не смог ответить Лейбницу на вопрос, соединена ли его страна с Америкой или отделена от неё проливом. Предстояло прояснить, возможны ли прямые пути из России через Хиву в Индию, через Монголию или по Иртышу в Китай? Наконец, или прежде всего, какие сокровища и диковины таит в себе сама Россия, в том числе огромная неизведанная Сибирь?

Государевым экспедициям предшествовали сбор сведений с мест и составление карт. Поскольку для царя представление о своём царстве имело практический смысл, особое значение приобретала картография как наглядное средство геополитики; к тому же составление карт имело статус не только искусства и науки, но и права: проще говоря, правом изображать мир обладал тот, кто этим миром управлял. Пётр проникся интересом к картографии ещё в ходе Великого посольства, и первые опыты составления карт под его патронатом связаны с именами бургомистра Амстердама Николааса Витсена (посвятившего русскому царю карту и книгу «Северная и Восточная Тартария», 1692; 2-е изд. 1705), главы Сибирского приказа Андрея Винууса и сибирского картографа Семёна Ремезова (составителя Хорографической чертёжной книги Сибири, а также «Летописи Сибирской», 1703). Государевы экспедиции преследовали практические цели и не предполагали своевольных действий или цветистых словоизвержений — от поездок И.Ф. Блюэра и В.И. Геннина по поиску руд и становлению горного дела в России остались в основном сухие отчёты и деловые мемориалы [6, с. 157—158]. Более того, многое из добываемых ими знаний и материалов имело статус государственной тайны; к этому же разряду информации относились и карты, передача которых в другие страны была монополией царя.

Поскольку замыслы рождались или выстраивались не сами по себе, а в голове живого человека, пусть и царя, большое воздействие на них оказывали настроения и эмоции, прежде всего переживания Северной войны. В её начале мысли были сосредоточены на полях сражений, в связи с чем составлялись карты Ингерманландии и Карелии, Польши и Литвы (1703); несколько позже горизонт расширился до карт России от Балтики до р. Лены, от Лапландии до Печоры, от Костромы до Азова, от Ингерманландии (с Петербургом и Шлиссельбургом) до Оби. Решающая победа под Гангутом 1714 г. подняла планку геополитических вожделений до континентального уровня, открыв перспективу разведывательных и дипломатических экспедиций к границам и за пре-

дела России, вроде рейдов и миссий Ивана Бухгольца в Прииртышье 1715—1716 гг., Артемия Волынского в Персии 1715—1718 гг., Александра Бековича-Черкасского в Хиве 1717 г., Готлиба Шобера в Поволжье, Прикаспии и на Кавказе 1717 г.

Гибель Карла XII в 1718 г., предрешившая исход Северной войны, способствовала заметному расширению геостратегии Петра — на юг вплоть до Африки и на восток вплоть до Америки. 1719 г. может считаться начальным временем, а восток — начальным пространством первых российских экспедиций: империя формировалась с запада на восток, от Атлантики до Пацифики, а познавала себя с востока на запад, будто по правилу *ex oriente lux*. В 1719 г. Пётр направил на восток сразу три экспедиции: Льва Измайлова — в Китай, Даниэля Мессершмидта — в Сибирь, Ивана Евреинова и Фёдора Лужина — на Камчатку и Курилы. Незадолго до смерти Пётр снарядил свою последнюю экспедицию — под командованием Витуса Беринга — для открытия Америки со стороны Азии. Если учесть, что император в то время мысленно добирался до Индии в обход Африки, с заездом на Мадагаскар (направляя в 1723 г. экспедицию Д. Вильстера в южные моря), то открывается масштаб ментальной карты, которой к концу жизни руководствовался российский самодержец.

Вокруг царя сложился своего рода «штаб экспедиций» — круг советников, знавших (угадывавших, подсказывавших) запросы Петра и возможности их осуществления на геополитическом поле, подбиравших исполнителей экспедиционных миссий. Ядро этого круга в преддверии первых экспедиций (т.е. в 1718 г.) составлял триумвират лейб-медиков: Роберт Арескин, братья Иоганн и Лаврентий Блюментросты. Так уж повелось, что самыми грандиозными замыслами царя ведали те, кто был близок к его телу, — медики, которым выпадала доля хранителей интимных тайн и мыслей государя, советников и доверенных лиц в самых разных ситуациях и амплуа, в том числе при создании Академии наук. В этот круг входили и те, кому довелось участвовать в дальних дипломатических поездках, — Артемий Волынский и Лоренц Ланге, а также непреременный делопроизводитель просветительских и научных проектов Петра (Библиотеки, Кунсткамеры, Академии наук и художеств) Иоганн Шумахер.

Все три первые экспедиции были спроектированы одним «штабом» (кстати, слово «проект» вошло в русский лексикон также при Петре); не случайно их участники знали друг друга и по возможности встречались на пересечении путей. Так, доктор Мессершмидт ехал в Сибирь в караване экспедиции Измайлова, в тесной компании с Ланге, а затем вновь встретился с ним в Селенгинске; зимой 1723 г. он сошёлся в Иркутске с возвращавшимся с Камчатки Лужиным; позднее эту компанию пополнил Витус Беринг, отправленный Петром на Камчатку и по пути встретившийся в Енисейске с возвращающимся из глубин Сибири Мессершмидтом. Шотландец Джон Белл начал путешествия по России

с участия в качестве врача в персидском посольстве А.П. Вольтерского в 1715—1718 гг., после чего в 1719 г. напросился в свиту Л. Измайлова, а по возвращении из Пекина в 1722 г. был рекомендован Л. Блюментростом для участия в Персидском походе Петра I.

При общем сходстве организации каждая экспедиция шла своим маршрутом для достижения своей цели. «Навигаторы» (геодезисты) Иван Евреинов и Фёдор Лужин отправились на Камчатку и Курилы с заданием «описать тамошние места: сошлася ль Америка с Азией». По возвращении с Камчатки в мае 1722 г. Евреинов застал Петра в Казани, где император был проездом, направляясь в Персидский поход, и представил ему уточнённую карту Камчатки и Курильских островов. Однако ответа на вопрос об Америке эта экспедиция не дала, и вскоре Пётр отписал инструкцию президенту Адмиралтейств-коллегии генерал-адмиралу Фёдору Апраксину и капитану флота Витусу Берингу: «На Камчатке, или в другом там месте, сделать один или два бота с палубами. На оных ботах возле земли, которая идёт на норд... искать, где она сошлася с Америкой» [24, с. 413]. По первоначальному замыслу эта петровская экспедиция была «Американской» — недаром её участник Алексей Чириков толковал инструкцию Петра как веление дойти «до испанского владения Мексиканской провинции» [32, с. 206]. Самым подходящим для выполнения этого задания капитаном Петру показался датчанин Витус Беринг, имевший опыт плавания по южным морям в Ост-Индию и с 1704 г. состоявший на русской службе. Перед экспедицией ему был пожалован чин капитан-командора. Берингу и суждено было подтвердить предположение о проливе между Азией и Америкой, называвшемся в тогдашней географии Анианским²; правда, отправка экспедиции из Санкт-Петербурга 5 февраля 1725 г. была омрачена смертью царя.

Попытка Беринга открыть Америку с востока растянулась на пять лет, включая долгие переезды по России и зимовки в Сибири, строительство кораблей, доставку провизии и такелажа, а также собственно плавание на боте «Св. Гавриил» в июле — августе 1728 г. от Камчатки «на норд» вдоль чукотского берега до бухты Провидения, о. Св. Лаврентия и Чукотского Носа. 13 августа под широтой 65° 30' состоялся совет офицеров, на котором Чириков настаивал на продолжении плавания до Колымы, но Беринг решил лишь на три дополнительных дня хода к северу и на широте 67° 18' — буквально у поворота береговой линии на запад к Колыме — взял курс на возвращение, полагая доказанным разделение Азии и Америки: «понеже земля более к северу не простирается, а к Чюкоцкому или Восточному углу земли никакой

² Анианским (Anian fretum, Stretto di Anian, etc. — от упомянутой в сочинении Марко Поло китайской провинции Ания) предполагаемый пролив между Азией и Америкой назывался на картах конца XVI в. с лёгкой руки итальянского картографа Джакомо Гастальди.

не подошло» [2, с. 97—100]. Если бы в Петербурге его ждал император Пётр, Беринг и по Сибири ехал бы быстрее, и от Чукотского «угла» рискнул бы повернуть не назад, а на восток к Колыме или на запад к Большой Земле (Аляске). Но Петербург с тех пор изменился: Пётр II перенёс столицу в сухопутную Москву, а на предупреждение об опасности потери флота из-за удаления столицы от моря возражал: «Когда нужда потребует употребить корабли, то я пойду в море; но я не намерен гулять по нём, как дедушка» [26, с. 145].

Гвардии капитан Преображенского полка Лев Измайлов был отряжён послом в Китай к богдыхану Канси с целью урегулировать торговые отношения и добиться пропуска российских караванов. Путь посольства лежал из Петербурга через Москву, Казань, Тобольск, Томск, Иркутск и Селенгинск в Пекин. Измайлову в весомой доле удалось выполнить возложенную на него миссию, в том числе найти компромиссный вариант исполнения обряда *коутоу* (обязательного в китайском церемониале тройного коленопреклонения и девятикратного челобитья при приближении к императору)³ и добиться милости Канси, однако красочные описания путешествия в задачи Измайлова не входили и были составлены иностранными участниками его посольской свиты — Лоренцом Лангом, Джоном Беллом и Георгом Унферцагтом. Особенность ранних экспедиций состояла в закрытости (если не секретности) дипломатических или геополитических целей, а их травелоги и наблюдения часто публиковались участниками-иностранцами за пределами России. Например, карта маршрута посольства Измайлова от Москвы до Тобольска была тайно скопирована и послана во Францию академиком Делилем, а в английской версии опубликована Дж. Беллом в книге его путешествий [5, с. 11, 63].

Государевы экспедиции готовились и проводились именем «Священного Царского Величества», с чётко определёнными целями, по выверенным маршрутам, со строгим соблюдением протокола, на казённые средства, с регулярной отчётностью. Исключением оказалась экспедиция Мессершмидта, менее всех соответствовавшая правительственным предписаниям и более всех обогатившая науку знаниями о Сибири.

КАЗУС МЕССЕРШМИДТА

Доктор Даниэль Мессершмидт был первым в России учёным-путешественником, заложившим традицию долговременных научных экспедиций; свою поездку он так и называл: *meiner Expedition* — «моя

³ Шотландец Джон Белл, бывший на приёме у императора в составе русской делегации, позднее признавался, что ему надолго врезались в память два слова, которые по-татарски ритмично произносил в качестве команды китайский церемониймейстер: *morgu, boss* — «поклониться», «встать» [18, р. 9].

экспедиция» [22, с. 216]. Его имя открывает список исследователей «трёх царств природы», географии и археологии, народов и языков Сибири. Вместе с тем доктору нет равных по частоте и обилию склок и скандалов, сопутствовавших его восьмилетней экспедиции, а её несуразный финал до сих пор вызывает если не раздражение, то удивление. В.И. Вернадский назвал Мессершмидта «великим неудачником», который «имел все данные сделаться великим натуралистом» [6, с. 158].

Мессершмидту посвящена обильная литература, в том числе на русском языке, и поток исследований его наследия не иссякает [1; 20; 19; 27; 30; 11; 12; 25 и др.]. Публикации открывают всё новые грани его трудов, и очередная биографическая статья поддаёт пафосу в оценке заслуг первого сибироведа. Между тем проясняются не только сильные стороны работ Мессершмидта, но и обстоятельства, омрачившие его жизнь и репутацию. Справедливости ради следует не только встраиваться в хор сегодняшней панегирической историографии, но и вслушиваться в голоса непосредственных участников событий XVIII в., иначе Академия наук, вставшая на творческом пути Мессершмидта, предстанет гнездом зависти и глупости.

История экспедиции Мессершмидта напоминает драму или детектив с неясными мотивами, несчастливym концом и незавершённым расследованием. Не исключено, что это даже не одна история, а несколько, не столько сменявших, сколько отменявших друг друга. И связано это не в последнюю очередь с государственным статусом проекта, в который был вовлечён немецкий врач, с поправкой на вопрос: государство — это кто?

Пригласил доктора медицины Мессершмидта на русскую службу лейб-медик и архиатр («главврач») империи Роберт Арескин, по рекомендации члена Лондонского королевского общества И.Ф. Брейне, в присутствии самого Петра I во время его пребывания в Данциге в 1716 г. [1, с. 42]. Цель приглашения Арескин сформулировал торжественно и таинственно: «Для исследования тайн природы Великой Русской империи». Конкретнее прозвучало разъяснение: «Придётся украшать музей Священного Царского Величества сбором природных предметов в его империи» [12, с. 24]. Проще говоря, Мессершмидта пригласили руководить Кунсткамерой, и не случайно рекомендовал его Брейне, создатель подобного музея в Данциге. В письме к Арескину Мессершмидт выразил это недвусмысленно: «Согласно условиям ты решил пожаловать мне знаки отличия и законные преимущества директора музеев (ведь библиотека, как я слышал от кого-то, теперь перейдёт в ведение какого-то другого человека)» [22, с. 186].

Пока Мессершмидт собирал вещи, просил аванс, добирался и осваивался в Петербурге, Арескин умер (29 ноября 1718 г. во время лечения на им же обустроенных Олонецких водах). Его полномочия поделили

брatья Блюментросты — Иоганн (старший) и Лаврентий (младший); первый стал архиатром и президентом Аптекарской канцелярии, второй — лейб-медиком и заведующим Библиотекой и Кунсткамерой (позднее — президентом Академии наук и художеств). Мессершмидт как гофмедик поступил в ведомство старшего Блюментроста, а обещанная ему Кунсткамера отошла младшему, тем более что в ней уже умело вёл дела Иоганн Шумахер. От первоначальных условий договора остались в силе лишь «тайны природы» и «любые поручения в своей области знания». 34-летний доктор медицины оказался совсем не там, где ожидал, — в казённой квартире на Адмиралтейском острове и в должности врача на службе у вице-канцлера барона П.П. Шафирова.

Впрочем, призрак Арескина продолжал витать над судьбой Мессершмидта: 15 ноября 1718 г., за несколько дней до смерти, архиатр успел оформить за подписью царя указ о посылке Мессершмидта в Сибирь «для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей, трав, цветов, корней и семян и прочих принадлежащих статей в лекарственные составы», с окладом «пять сот рублёв», выдаваемых в Сибирской губернии, о чём был извещён сибирский губернатор Матвей Гагарин. В замыслах Арескина Мессершмидт в одном лице соединял функции собирателя раритетов в Сибири и директора Кунсткамеры, куда эти раритеты должны были поступить. Теперь, без Арескина и Кунсткамеры, жизненная перспектива Мессершмидта калейдоскопически изменилась: Сибирь осталась, а Кунсткамера исчезла. Этот расклад впоследствии сказался на мотивации доктора, всячески оттягивавшего возвращение из экспедиции.

Сама по себе поездка в Сибирь явно не прельщала немецкого доктора. Если европейцы в те годы и мечтали о путешествии на Восток, то, ради Бога, не в Сибирь, а в Индию или в Китай. В Европе была в моде *шинуазри* (фр. *chinoiserie*, «китайщина») — диковины из далёкой загадочной страны, от восхитительного фарфора до чудодейственных корней женьшеня, ревеня и имбиря. И в европейской геополитике, с лёгкой руки Лейбница, Китай представлялся целью, а Россия — дорогой к этой цели [7, с. 650]. Не удивительно, что и Мессершмидт увидел в сибирской поездке прежде всего возможность побывать в Китае, о чём он увлечённо рассуждал в беседах с Брейне в Данциге, с доктором Мартини в Риге, с Лоренцом Ланге в Петербурге; последний, между прочим, неоднократно бывал в Китае и слыл его знатоком, а с Арескиным был близок настолько, что, по слухам, приходился ему приёмным сыном [1, с. 76].

Словом, Мессершмидт перевёл взгляд на Китай и, пользуясь возникшей с уходом Арескина неясностью, добравшись до Москвы весной 1719 г., принялся забрасывать письмами Блюментроста и Шумахера с просьбой разрешить ему примкнуть к посольству Льва Измайлова, направлявшемуся в тот момент в Китай. Оба адресата отвечали, что

поспособствуют получению на то согласия царя, а Шумахер даже поспешил поздравить доктора с грядущим высочайшим дозволением.

Пётр, вопреки ожиданиям, не поддался на уговоры и указал Мессершмидту на его место и назначение: изучать природу России, а не «чуждых государств». Будь воля царя вовремя (в сентябре, перед отъездом из Москвы в Тобольск) передана доктору, он свыкся бы с ней и настроился на сибирскую экспедицию. Однако злую шутку сыграла «почта России», доставившая предписание Блюментроста в Тобольск лишь в конце декабря 1719 г. За истекшие три месяца пути в компании с любителем и знатоком Китая Ланге Мессершмидт настолько напитался духом *шинуазри*, что уже не мыслил себя без экзотики и чудес Поднебесной. Запрет царя был для него ударом грома среди сибирской зимней тьмы.

Если смотреть на события глазами немца, то пребывание в Сибири представится ссылкой (в Тобольске Мессершмидт встретил целую колонию пленных шведов). К тому же губернатор Сибири князь Гагарин, которому была поручена опека и зарплата доктора, попал в опалу и вскоре был казнён. Назначенный на его место князь Черкасский ещё не прибыл, и в столице Сибири властвовал проводивший следствие лихой лейб-гвардии майор Иван Лихарев, которому было не до трав и раритетов, а струг, о котором хлопотал назойливый немец, был нужнее ему самому для рейда по Иртышу до Семи Палат по приказу царя. Таким образом, за год пребывания в России Мессершмидт лишился двух покровителей (Арескина и Гагарина) и двух надежд (Кунсткамеры и Китая). Если добавить к этому атмосферу подавленности, в которую попал немец в Петербурге, где шёл розыск по делу царевича Алексея, и в Тобольске, где расследовались преступления экс-губернатора, то станет яснее состояние ипохондрии, в котором встретил новый год Мессершмидт.

После отъезда посольства Измайлова из Тобольска доктор вынужден был заново, уже на свой лад, конструировать смыслы и маршруты экспедиции. По рапортам Мессершмидта архиатру видна последовательность расширения его научных планов, центральное место в которых занимали «три царства природы» (растения, животные и минералы), но всё чаще звучали суждения о «древних предметах из могильников», «идолах», загадочных письменах и языках сибирских народов. В 4-м рапорте от 25 июня 1720 г. (всего через полгода после приезда в Сибирь) доктор представляет поразительно зрелую культурно-языковую классификацию сибирских народов.

А если вообще говорить об этой так называемой Великой Татарии, которая составляет наибольшую часть Его Великоцарского Величества сибирских земель, то... её народы могут быть разделены на четыре главных

класса, а именно: 1) древний гунно-скифский, 2) азиатский сармато-скифский, 3) азиатский аби-скифский и, наконец, 4) восточный или восточно-гиперборейско-скифский. К первому надо отнести 1) остяков, как обских, так и иртышских, которые немного отличаются по языкам и обычаям, 2) вотяков, 3) черемисов, 4) вогулов и кондоров, 5) самоедов и т.д. и т.д., которые все являются язычниками. Ко второму — главную часть магометанских татар, а именно 1) нагайских, 2) башкирских, 3) западно-сибирских, 4) болгарских и т.д. и т.д. и, наконец, 5) языческих якутов. К третьему — 1) калмыки, 2) монголы, 3) тунгусы, 4) маньчжуры и тангуты и т.д. и т.д., которые все являются язычниками. И, наконец, к четвёртому относятся 1) камчадалы, или камчатский [народ], 2) ламуты, 3) коряки, 4) юкагиры и т.д. и т.д., которые являются языческими и новообращёнными [22, с. 257].

Мессершмидт мог опираться на известные к тому времени опыты классификации языков, в том числе заметки Г.В. Лейбница о генеалогической близости финского, венгерского и других «скифских» языков, а также их возможной связи с тюркскими и монгольскими языками. Однако, во-первых, это не входило в профессиональный тезаурус доктора медицины и предполагало доступ к литературе и незаурядный кругозор; во-вторых, представленная этнолингвистическая матрица, судя по её фокусировке на Сибири, могла быть составлена только *in situ*, т.е. в сибирском «поле».

Между тем речь идёт об открытии, о научном достижении высшего уровня (не случайно сам Мессершмидт приводит эту сводку в перечне открытий экспедиции, хотя адресату, архиатру, она могла показаться избыточной словесностью вместо по-настоящему желанных находок вроде ценных руд или лечебных трав). В истории языковедения [29, с. 345] первенство открытия уральского (финно-угорского) языкового единства приписывается Филиппу Страленбергу, объединившему финнов, лапландцев, эстов, венгров, мордву, черемисов, пермяков и вотяков, с европейской стороны, и вогулов, остяков и барабинцев, с азиатской, в «гуннскую» группу [35, S. 32]. При этом допускается, что «это обобщение было сформулировано фон Штраленбергом и Мессершмидтом во время их совместного путешествия и дискуссий в Сибири в 1721—1722 гг.» [19, с. 129]. Однако список Мессершмидта, включённый в 4-й рапорт, составлен в июне 1720 г., когда об их совместной поездке ещё и речи не заходило: запрос о включении Табберта-Страленберга в состав экспедиции доктор направил князю Черкасскому лишь в начале 1721 г.

Таким образом, первую культурно-языковую классификацию народов Сибири следует причислить к заслугам Мессершмидта, что не исключает консультативного участия в её составлении живших

в Тобольске знатоков Сибири, в том числе Страленберга и других любознательных ссыльных «немецкого отродия». За исключением ряда погрешностей, вроде отнесения к разным группам тунгусов и ламутов, эта классификация выглядит убедительным (если не сказать потрясающим) итогом первого года экспедиционных работ. Более того, доктор медицины явно почуял вкус к знанию, которое годы спустя станет народоведением — рождённой в России и особо значимой для России наукой о народах (этнографией); в своих описаниях он использовал ключевую для этнографии категорию «народ» (*Volk, Nation*) и, включив недюжинную эрудицию, взялся соотносить современные народы с предполагаемыми предками античных времён. Простейшим методом начального языкознания послужило ему сравнение числительных первого десятка 20 местных народов. Связанными с этой темой оказались и другие упомянутые в 4-м рапорте «куриозные раритеты»: рукопись о деяниях Чингис-хана, «которая очень высоко ценится в Европе, преимущественно у государственных учёных Англии... вместе с арабским календарём, употребимым среди здешних татар» [22, с. 256—257].

Мессершмидту пришлось самому не только определять тематику штудий, но и намечать маршруты экспедиции. После поездки на Урал (Каменск и Уктус) он взял курс на восток, следуя за отправившимся в Китай посольством Измайлова. Он делал это осознанно, хотя и не объявлял официально в донесениях. Дневниковые записи выдают его повышенный интерес к Китаю. Например, 18 мая 1721 г. в беседе с томским воеводой Василием Козловым доктор разведдал, что самый короткий путь в Китай лежит по Оби до Чулыма, затем по притоку Ак-июс (или Кара-июс, или Урюп) и волоком до Енисея, а оттуда через Красноярск и прилегающие степи в Вост-Китай [16, с. 100].

Судя по всему, Мессершмидт решил или, вернее, допустил возможность: коль скоро его не пустили в Китай с посольством, но дали волю самостоятельно намечать маршруты экспедиции, он может добраться туда по путям научных изысканий. Во всяком случае всё, что связано с Китаем и посольством, вызывало у него обострённое внимание: предполагая возвращение Белла через Нарым, он отправил к нему на свидание Табберта; узнав о приезде в Селенгинск Ланге, он немедленно двинулся туда, и 10 дней, проведённые там, были «самыми светлыми и радостными днями за всё время его путешествия по Сибири» [20, с. 68, 70].

Единственным отклонением от пути на восток стала поездка на север, в Мангазею, с последующим сложным переходом по Нижней Тунгуске от Енисея к Лене и далее к Иркутску. Трудно сказать, что повлекло доктора в северный вояж — легенда о златокипящей Мангазее или известия о находках в устье Енисея и на Таймыре россыпей янтаря, гор нашатыря (солей аммония) и бивней мамонта. До Гиперборейского

(Ледовитого) океана он не доехал, узнав, что это требует зимовки в тундре, к чему не располагала его «слабая комплекция», но и трёхмесячного перехода по среднесибирскому водоразделу хватило для состояния на грани жизни и смерти. В пути доктор работал бесперебойно, как немецкая машина: отметил 60 притоков Нижней Тунгуски и 56 притоков Лены, 139 русских селений и 6 стоянок тунгусов, в 59 точках произвёл измерение северной широты (с помощью квадранта и таблиц склонения Солнца), описал огромное количество растений, птиц и животных, а также одежду и обычаи «стройных», «ловких» и «способных к изящным наукам и искусствам» тунгусов [15, с. 37, 55]. На стыке знаний природы и народов он достиг поразительного уровня, иллюстрируемого дневниковым пассажем о паре подстреленных слугой белок (24 октября 1723 г.):

...русские называют «белка», тунгусы — Ulusku, кыштим-татары — Туһп, день-остяки — Schack, а лаак-остяки — Тарееch, калмыки — Krite, а монголы — Taramach, пермяки — Urr... [15, с. 177]

Северная петля стала, пожалуй, самым физически сложным испытанием для Мессершмидта. На этом маршруте он не раз отмечал, что путь опасен, гнус свиреп, холода губительны, жизнь горька. Морозной октябрьской ночью, проведённой на диком берегу Лены, доктор позволил себе изливание чувств: «Этой ночью морозило очень сильно, так что мне не понравился этот лагерь, жизнь показалась горькой, а ещё горше оттого, что на морозе и в снегу писать приходится. Я очень страстно желаю освободиться от этой трудной службы и поскорее увидеть своих близких» [15, с. 161].

Несмотря на «слабую комплекцию» или, как отмечается в других эпизодах, «слабое телесное здоровье», Мессершмидт нашёл в себе силы совершить беспрецедентное путешествие по Сибири, в итоге которого он, по его собственному заключению, постарел, наполовину ослеп и в свои 40 выглядел на 80 [20, с. 146]. В конце поездки (в декабре 1726 г.) он отмечал: «...я уже с 1719 года не спал на пуховой постели, а привык спать на звериных шкурах, которые легко упаковать и перевозить, и <которые> даже после повреждения их водой быстро снова высыхают и готовы к употреблению, а укрываться — <волчьей> шубой» [19, с. 101]. Доктор не раз упоминал шубу из волчьей шкуры, которая днём и ночью грела его в ходе экспедиции.

Между тем архиатр Блюментрост с декабря 1723 г. слал в Сибирь одно за другим требования прекратить экспедицию и вернуться в Петербург. Однако Мессершмидт, умело избегая получения этих писем, упорно двигался на восток, к Китаю, который притягивал его, как магнит. Летом 1724 г. он, согласно распоряжению Блюментроста, должен

был вернуться в Петербург, но вместо этого вышел к границам Китая (Внутренней Монголии) и пересёк их у озера Далай-нор.

Если позволительно говорить о магии востоковедения, то доктор Мессершмидт был ею всецело пленён. Он не только кружил у границ Китая, но и усердно учил тангутский и монгольский (а эпизодами и индийский) языки, что свидетельствует как о научном интересе, так и о более серьёзных намерениях относительно пребывания в Поднебесной. Однако власти Внутренней Монголии в лице Мёргён-тайши встретили его с вежливой строгостью и подвергли допросу: «кто он, куда и откуда едет, имеет ли указ от русского царя, с какой целью путешествует, сколько у него людей, лошадей, стрел, луков, ружей и т.д.» [20, с. 96]. Через Мёргён-тайшу Мессершмидт обратился к китайскому вану с просьбой дать проводника, поскольку-де он заплутал в степях. В действительности доктор лукавил, так как прекрасно знал, куда шёл, всякий раз замеряя квадрантом широты. С надеждой на продление пребывания на территории Китая он направил прошение к вану со ссылкой на незнание местности и просьбой о проводнике, одновременно выражая своё расположение к стране пребывания старательными занятиями монгольским языком с Мёргён-тайшой. Через неделю пришёл приказ неумолимого вана доставить «заблудших» до границы и переправить через Онон. Под конвоем двадцати конных монголов Мессершмидт был выдворен за пределы Китая. Позже, уже на пути из Сибири, он предпринял ещё одну попытку свернуть в Китай, увещевая Блюментроста разрешить ему маршрут в верховья Иртыша.

Возможно, из всех испытаний и потрясений «китайский отказ» оказался самым болезненным ударом по психике Мессершмидта. В его действиях у Далай-нора ощутим психоз, из-за которого от него сбежали подводчики (водители подвод) буряты. Зная об их особой привязанности к своим лукам, стрелам и сёдлам, доктор велел всё это забирать на ночь и выставлять караул. В результате этих странных мер однажды (25 сентября 1724 г.) вечером он услышал «страшный шум и крики. Выскочив из палатки, он увидел, что все до единого подводчики, бросив на произвол судьбы свои луки, стрелы и сёдла, ускакали на лошадях. Бросившиеся за ними в погоню люди Мессершмидта не смогли их догнать» [20, с. 93].

С поворота судьбы у озера Далай-нор началась непрерывная полоса неудач, преследовавших психически надломленного доктора до самого Петербурга или, вернее, до самой смерти. От заметок Мессершмидта на исходе экспедиции веет душевным расстройством; он стал нетерпимым к окружающим и нестерпимым для окружающих; от него бежали нанятые слуги и работники; в Читинске ему отказали дать подводы тунгусы, которых прежде он нахваливал за природные дарования.

Сбегали от него и мальчики, которых он регулярно брал к себе в услужение. Не вполне понятно, какая надобность вынуждала доктора вовлекать во «взрослую» экспедицию мальчиков пубертатного возраста (11—14 лет от роду). Первым был «шведский хлопец», нанятый Мессершмидтом вскоре по прибытии в Тобольск «для искания трав», с условием: «ежели сбежит, то непременно поймать и вернуть». Второго, 14-летнего, доктор купил за 12 рублей в Ялуторовской слободе весной 1721 г., а сбыл за 16 рублей в Иркутске три года спустя (имена у мальчиков есть, но я их опускаю). У Иркутской канцелярии доктор запросил нового мальчика 10—12 лет; а когда ему вместо мальчика направили мужчину 40 лет, он от его услуг отказался. Присланный позднее мальчик вскоре сбежал. Доктор обзавёлся следующим юным спутником, который тоже сбежал при первой возможности на первой же остановке по дороге из Иркутска в Енисейск. Взамен в Идинском остроге ему дали ещё одного, 11-летнего, который по прибытии в Братский острог опять-таки сбежал, но был пойман и высечен. Паренёк оказался строптивым и через три дня снова исчез, на сей раз бесследно (вероятно, был укрыт сердобольными людьми). Очередной, взятый в Рыбном погосте, оказался покладистее и проследовал с патроном дальше [22, с. 249, 263; 20, с. 116, 118, 122]. Не берусь судить, чем так сильно пугал детей доктор в волчьей шубе, но вряд ли принуждением собирать травы, как официально мотивировался их наём (описания растений в дневнике экспедиции преобладают, однако обычно ботаник собирает травы сам, предпочитая видеть их растущими, а не сорванными). В своих дневниковых записях Мессершмидт обычно использует должностные определения — «мой слуга», «мой повар», «мой денщик», «мой подводчик», а в этом случае употребляет менее определённые выражения — «мой мальчик» или «мой русский мальчик».

За исключением потребности в русских мальчиках, Мессершмидт не испытывал сколько-нибудь заметного интереса к русским сибирякам, их языку и культуре (на контрасте с безудержной тягой к культурам Востока). За восемь лет он так и не выучил русский язык и, судя по дневникам, даже не пытался им овладеть, тогда как тангутский и монгольский штудировал ночи напролёт. При этом доктор прекрасно осознавал значение языка в изучении и познании России, наставляя, например, ехавшего в Нерчинск плавильных дел мастера Михаэля Вормса в полезности общения без переводчика. «Странно то, — замечает М.Г. Новлянская, — что сам Мессершмидт не следовал этому совету, хотя и часто жаловался, что незнание русского языка является огромным препятствием и в его сношениях с местными жителями, с администрацией и особенно в изучении страны» [20, с. 106].

Помимо неприятия русского языка, Мессершмидт отмечал у русских качества, раздражавшие его профессионально как врача. Ему претило

нежелание русских пациентов сообщать об обстоятельствах заболевания, предпочтение помощи священника услугам врача, неблагодарность за лечение [20, с. 109—110]. Понятно, что препятствием к взаимопониманию выступало всё то же незнание языка, но доктор не желал его преодолевать. Пристрастие к восточным культурам он сочетал с равнодушием к русской культуре. Возможно, историографический приговор В.Г. Мирзоева Мессершмидту звучит избыточно резко⁴, но он не лишён оснований. Вероятно, эта позиция была следствием, с одной стороны, привилегированного положения иностранцев в петровской столице (непрочного на просторах Сибири), с другой — восприятия чиновничьего произвола как русской черты. Впрочем, не только русские, но и жившие в России немцы, понятные ему без перевода, оказались чужды Мессершмидту: вся история его конфликтов с российской властью была по сути «немецкой склокой» с участием братьев И.Д. и Л.Л. Блюментростов, И.Д. Шумахера, З.Т. Байера, И.Х. Буксбаума, Г.Ф. Миллера и других иностранцев.

Часто пишут и говорят о независимом нраве Мессершмидта и его протесте против чиновничьего произвола в России. Тем, кто сопровождает это одобрительной интонацией, следует почитать дневники доктора и убедиться в том, что сам он путешествовал, обзаводился жильём, подводами, лодками и слугами исключительно именем царя и приказными чиновничьими методами, прежде всего жалобами и требованиями. Понятно, что Мессершмидт не был этнографом, а для сбора трав и добычи птиц и зверей изысканная дипломатия не нужна (как, впрочем, и для покупки вещей из захоронений). Однако следует помнить, что он был не свободным художником, а состоял на государственной службе, выполнял задания главы Аптекарского приказа Блюментроста и получал (хоть и с запозданием) жалованье. В какой-то степени его поведение показывает, что в жёстком режиме петровской России можно было сутяжничать и вздорить со всеми чиновниками подряд. Мессершмидта подвела чрезмерная уверенность в превосходстве его «столичного» (государева) статуса над местными чиновниками, редкий из которых увернулся от склоки с доктором.

Травелог Мессершмидта полон жалоб, обвинений, претензий, которые превратили его путешествие в «хождение по склокам». Первые признаки недовольства доктор выразил в письме к Брейне вскоре по прибытии в Петербург (летом 1718 г.), когда ему пришлось в амплу медика сопровождать вице-канцлера Шафирова в Або (там находилось командование русского Финляндского корпуса), вместо того чтобы «наблюдать растения, что растут вокруг Петербурга» [23, с. 205]. Затем была

⁴ Мессершмидт — «воинствующий шовинист, презирующий русский народ, жестокий крепостник и, наконец, мистик» [18, с. 21].

московская тяжба с главой Сибирской канцелярии А. Юсуповым по поводу подвод и охранников. В Тобольске состоялась схватка с лейб-гвардии майором И. Лихаревым, который отнял у доктора струг и велел бить палками его слуг. В Читинске Мессершмидт до потасовки повздорил с приказчиком Немировым. В Иркутске у него сложились напряжённые с взаимными подозрениями отношения с комиссаром М. Измайловым, в связи с чем Иркутск стал для него «неприятным городом». Енисейск из-за растянувшейся на месяц тяжбы с комиссаром И. Тишным превратился в «бесплодное» для научных наблюдений место. На обратном пути в Тобольске он довёл до негодования самаровского комиссара Козлова и сибирского губернатора князя М. Долгорукого. В конце концов Мессершмидт был под конвоем выслан из Сибири (трудно припомнить другой случай «высылки из Сибири»).

Помимо способности одолевать чиновников их же оружием — канцелярской волокитой и сутяжничеством, Мессершмидт обладал терпением для изматывающего ожидания нужных ему разрешений и средств, вследствие чего он на длительные сроки задерживался в разных местах (во многих случаях именно он намеренно затягивал обмен письмами и жалобами, и местные чиновники не знали, как от него избавиться). Не исключено, что кроме психического недомогания в этом играли роль ещё какие-то интересы, в том числе денежные и торговые.

Известно, что Мессершмидт отличался прижимистостью и считал каждую потраченную копейку [27, с. 30]. Не чужд он был и торговли — и в части приобретения раритетов, и в закупках *шинуазри*. Например, при сборах в Иркутске в его обозе оказалось 180 отрезков китайских тканей (на внушительную по тем временам сумму — 1139 руб.), закупку которых он объяснял нежеланием купцов продавать иначе чем оптом, а впоследствии рассчитывал сбыть их в Тобольске и других городах [20, с. 117]. По всей цепи сибирских таможен пронеслось известие о немецком докторе, который везёт с собой 14 возов с товарами и иными странными вещами. Из Енисейска в Тобольск сообщали о 6 возах его собственных вещей, в том числе нескольких тюках китайских тканей. Соответственно, у властей не вызвало восторга, когда в Самаров-Яме он воспротивился таможенному досмотру, а в Тобольске проехал таможенную заставу глухой ночью [30, с. 11—12]. На следующий день при осмотре его вещей в тобольском Гостином дворе было обнаружено его собственных товаров на почти полторы тысячи рублей, за которые ему насчитали пошлины свыше 150 рублей [20, с. 140].

После высылки из Сибири под конвоем Мессершмидт впал в состояние, близкое тяжёлому психическому расстройству. По приезде в Соликамск он ввязался в тяжбу с местным администратором князем С. Козловским, составил 19-й рапорт Блюментросту и потребовал указ Сената

на свой выезд; при этом наотрез отказался съехать с занятой им квартиры. Козловский больше месяца увещевал доктора устно и письменно: «Господину Мессершмидту. Неоднократно к тебе посылаю, чтобы ты со двора, в котором ныне живёшь, съехал на другой двор... а также чтобы тебе ехать в надлежащий свой путь. И ты со одного двора же на другой двор не ежаешь и в надлежащий свой путь не знаемо для чего не едешь». Когда городовому всё-таки удалось выдворить Мессершмидта, он перевёз тюки с вещами в амбар, рядом соорудил дощатую каморку, утеплил её мхом и прожил в ней ещё четыре месяца, «ожидая указа Сената» [20, с. 143—145].

Поразительно, что отовсюду изгнанный, страдающий помутнением рассудка доктор продолжал научную работу — видимо, рефлекс исследователя отключается последним. Следуя в Хлынов под конвоем, в условиях полу-ареста, Мессершмидт составил первый словарь вотяцкого (удмуртского) языка, впервые зафиксировал самоназвание *удмурт* и другие удмуртские этнонимы, дал первое научное описание удмуртского жилища, костюма и элементов народной религии, высказал первую гипотезу происхождения удмуртов и сделал первый рисунок с изображением удмурта (удмуртки); собственно, «с Мессершмидта началось научное изучение удмуртов как таковое» [19, с. 9]. Правда, удмуртские наблюдения — последние в дневниках Мессершмидта; после них он «не смог больше продолжать свою научную деятельность» [20, с. 148].

В Петербурге состоялся последний акт детективной драмы, о котором немало написано и который не имеет прямого отношения к антропологии путешествия, поэтому завершу рассказ в нескольких словах. Мессершмидт пытался укрыть привезённый им на 14 подводах груз в наёмной квартире, но на следующий день все вещи и материалы по приказу Блюментроста были опечатаны и переданы на обследование академической комиссии. Доктор, естественно, начал тяжбу с Академией и, между прочим, умудрился жениться на юной Бригитте Хелене Бёклер. Попытка вернуться в Данциг обернулась кораблекрушением и потерей всей взятой с собой доли сибирской коллекции, очередным разочарованием (на этот раз родиной) и возвращением в роковой для него Петербург, где доктор Мессершмидт умер в нищете и забвении в возрасте неполных 50 лет (25 марта 1735 г.).

Значительную часть сибирского собрания Мессершмидта, несмотря на его протесты, передали Кунсткамере, которой это собрание изначально и предназначалось. Участвовавший в досмотре будущий историограф Академии Герард Миллер заметил: «Кунсткамера, благодаря усердию Мессершмидта, так обогатилась отечественными экспонатами и редкостями, что это превзошло всякие ожидания» [17, с. 151].

Позднее тот же Миллер, а также звёзды Академии следующего поколения — И.Г. Георги, П.С. Паллас и др. — часто пользовались материалами Мессершмидта, отдавая должное обилию и обстоятельности его научных наблюдений. Словами Палласа, «этот достойный, почти забытый человек, которого в своё время мало кто замечал», был первым по значимости среди тех учёных-путешественников, которым мир должен быть благодарен за знания о Сибири, её географическое описание, изучение разных частей натуральной истории, описание народов, полученные непосредственно в ходе путешествия [11, с. 258].

По прошествии двух веков после первой сибирской экспедиции Академия и Кунсткамера всё ещё толком не разобрались, как быть с «тёмным делом» Мессершмидта и его наследием. С.Ф. Ольденбург в лекциях размышлял: «...ценнейшие материалы, заключённые в ряде тщательно написанных томов через двести почти лет лежат неизданные и почти неиспользованные; типичная картина истории русской научной экспедиции: широкие задания, исполнение работы энтузиастом-учёным, почти без помощников, бесконечные затруднения во время экспедиции, а по окончании её — сдача результатов в архив и почти полное забвение. Поистине трагическая судьба!» [21, с. 521]. Сегодня наконец началась серийная публикация материалов Мессершмидта, но загадок в его научном творчестве и личной истории не становится меньше.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басаргина Е.Ю. Путь Д.Г. Мессершмидта в Сибирь (1716—1719) // Первый исследователь Сибири Д.Г. Мессершмидт. Письма и документы 1716—1721. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 33—92.
2. Берг Л.С. Открытие Камчатки и Камчатские экспедиции Беринга. 1725—1742. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1935. 411 с.
3. Богословский М.М. Пётр I. Материалы для биографии. Л.: Госполитиздат, 1940. Т. I. 435 с.
4. Богословский М.М. Пётр I. Материалы для биографии. Л.: Госполитиздат, 1941. Т. II. 624 с.
5. Бондарь Л.Д., Иодко О.В., Красникова О.А. Постигание России. Топография Сибири XVIII в. СПб.: Реноме, 2023. 268 с.
6. Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. М.: Наука, 1988. 484 с.
7. Герье В.И. Лейбниц и его век. СПб.: Наука, 2008. 807 с.
8. Головнёв А.В. Антропология путешествия: от *imago mundi* до *selfie* // Уральский исторический вестник. 2016. № 2 (51). С. 6—16.
9. Головнёв А.В. Пётр I и начало наук в России // Кунсткамера. 2024. № 1 (23). С. 6—23.
10. Книга Устав морской. О всём, что касается доброму управлению в бытность флота на море. СПб.: Санкт-Петербургская типография, 1720. 215 с.
11. Копанева Н.П. «Благословенный Мессершмидт»: П.С. Паллас о научном наследии Д.Г. Мессершмидта // Кунсткамера. 2019. № 3 (5). С. 254—260.

12. Лефельдт В. Д.Г. Мессершмидт: биографическая канва и хронология событий // Первый исследователь Сибири Д.Г. Мессершмидт. Письма и документы 1716—1721 / ред. Е.Ю. Басаргина. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 19—32.
13. Максимов С.В. Год на Севере. 3-е изд. СПб.: Типография А. Траншеля, 1871. 690 с.
14. Мезин С.А. Пётр I во Франции. СПб.: Европейский дом, 2015. 312 с.
15. Мессершмидт Д.Г. Дневники: от Мангазеи до Иркутска (1723 г.). Иркутск: На Чехова, 2018. 266 с.
16. Мессершмидт Д.Г. Дневники. Тобольск — Тара — Томск (1721 г.). Томск, 2021. 132 с.
17. Миллер Г.Ф. История Академии наук. Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1980. Т. VI.
18. Мирзоев В.Г. Историография Сибири. XVIII век. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1963. 263 с.
19. Напольских В.В. Удмуртские материалы Д.Г. Мессершмидта. Ижевск: Удмуртия, 2001. 224 с.
20. Новлянская М.Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л.: Наука, 1970. 184 с.
21. Ольденбург С.Ф. Научная экспедиция // Scripta antiquae. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. М.: Собрание, 2017. Т. VI. С. 514—550.
22. Первый исследователь Сибири Д.Г. Мессершмидт. Письма и документы 1716—1721 / ред. Е.Ю. Басаргина. СПб.: Нестор-История, 2019. 310 с.
23. Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе (1698—1715 гг.) / пер. О.М. Дондуковой-Корсаковой. М.: Об-во истории и древностей российских при Московском ун-те, 1871. 195 с.
24. Полное собрание законов Российской Империи. СПб.: Типография II отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. Т. VIII. 1014 с.
25. Савинов Д.Г., Тункина И.В. Сибирская коллекция Д.Г. Мессершмидта — первое научное археологическое собрание России. СПб.: Реноме, 2022. 552 с.
26. Соловьёв С.М. Сочинения. История России с древнейших времён. М.: Мысль, 1993. Кн. X, тт. 19—20. 752 с.
27. Тункина И.В., Савинов Д.Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт: У истоков сибирской археологии. СПб: ЭлекСис, 2017. 168 с.
28. Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб.: Второе отд. собственной е.и.в. канцелярии, 1858. Т. II. 582 с.
29. Хайду П. Уральские языки и народы / пер. Е.А. Хелимского. М.: Прогресс, 1985. 430 с.
30. Чивтаев Ю.И. Предисловие // Мессершмидт Д.Г. Дневники: от Мангазеи до Иркутска (1723 г.). Иркутск: На Чехова, 2018. С. 3—24.
31. Штелин Я. Анекдоты о императоре Петре Великом, слышанные от разных знатных особ и собранные действительным статским советником Яковом Штелиным. М.: Тип. Компании типографической, 1788. 429 с.
32. Экспедиция Беринга: Сборник документов / сост. А.А. Покровский; предисл. И.Д. Папанин. М.: Главное архивное управление НКВД СССР, 1941. 417 с.
33. Bell J. Travels from St. Petersburg in Russia to Various Parts of Asia. Edinburgh: Robinson&Co, 1788. Vol. II. 534 p.
34. Smith V. Introduction // Hosts and Guests: The Anthropology of Tourism. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1977. P. 1—14.
35. Strahlenberg Ph. J. von. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730. 454 s.

REFERENCES

1. Basargina E.Yu. Put' D.G. Messerschmidta v Sibir' (1716—1719) [D.G. Messerschmidt's Journey to Siberia (1716—1719)]. *Pervyy issledovatel' Sibiri D.G. Messerschmidt. Pis'ma i dokumenty 1716—1721* [The First Explorer of Siberia D.G. Messerschmidt. Letters and Documents 1716—1721]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2019, pp. 33—92. (In Russ.)
2. Berg L.S. *Otkrytie Kamchatki i Kamchatskie ekspeditsii Beringa. 1725—1742* [Discovery of Kamchatka and Bering's Kamchatka Expeditions. 1725—1742]. Leningrad, Izd-vo Glavsevmorputi Publ., 1935, 411 p. (In Russ.)
3. Bogoslovskiy M.M. *Petr I. Materialy dlya biografii* [Peter I. Materials for Biography]. Leningrad, Gospolitizdat Publ., 1940, vol. 1, 435 p. (In Russ.)
4. Bogoslovskiy M.M. *Petr I. Materialy dlya biografii* [Peter I. Materials for Biography]. Leningrad, Gospolitizdat Publ., 1941, vol. 2, 624 p. (In Russ.)
5. Bondar' L.D., Iodko O.V., Krasnikova O.A. *Postizhenie Rossii. Topografiya Sibiri XVIII v.* [Comprehension of Russia. Topography of Siberia of the 18th Century]. Saint Petersburg, Renome Publ., 2023, 268 p. (In Russ.)
6. Vernadskiy V.I. *Trudy po istorii nauki v Rossii* [Works on the History of Science in Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 484 p. (In Russ.)
7. Ger'e V.I. *Leibnits i ego vek* [Leibniz and His Century]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2008, 807 p. (In Russ.)
8. Golovnev A.V. Antropologiya puteshestviya: ot *imago mundi* do *selfie* [Anthropology of Travelling: From *Imago Mundi* to *Selfie*]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, 2016, no. 2 (51), pp. 6—16. (In Russ.)
9. Golovnev A.V. Petr I i nachalo nauk v Rossii [Peter the Great and the Beginning of the Sciences in Russia]. *Kunstkamera*, 2024, no. 1 (23), pp. 6—23. (In Russ.)
10. *Kniga Ustav morskoy. O vsem, chto kasaetsya dobromu upravleniyu v bytnost' flota na more* [The Book Naval Regulations. About Everything That Concerns Good Management of the Maritime Fleet]. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskaya tipografiya Publ., 1720, 215 p. (In Russ.)
11. Kopaneva N.P. «Blagoslovennyy Messerschmidt»: P.S. Pallas o nauchnom nasledii D.G. Messerschmidta [Blessed Messerschmidt: P.S. Pallas on the Scientific Heritage of D.G. Messerschmidt]. *Kunstkamera*, 2019, no. 3 (5), pp. 254—260. (In Russ.)
12. Lefel'dt V. D.G. Messerschmidt: biograficheskaya kanva i khronologiya sobytii [Messerschmidt: Biographical Background and Chronology of Events]. *Pervyy issledovatel' Sibiri D.G. Messerschmidt. Pis'ma i dokumenty 1716—1721* [The First Explorer of Siberia D.G. Messerschmidt. Letters and Documents 1716—1721]. Ed. by E.Yu. Basargina. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2019, pp. 19—32. (In Russ.)
13. Maksimov S.V. *God na Severe* [A Year in the North]. The 3rd ed. Saint Petersburg, Tipografiya A. Transhelya Publ., 1871, 690 p. (In Russ.)
14. Mezin S.A. *Petr I vo Frantsii* [Peter the Great in France]. Saint Petersburg, Evropeyskiy dom Publ., 2015, 312 p. (In Russ.)
15. Messerschmidt D.G. *Dnevnik: ot Mangazei do Irkutska (1723 g.)* [Diaries: From Mangazeya to Irkutsk (1723)]. Irkutsk, Na Chekhova Publ., 2018, 266 p. (In Russ.)
16. Messerschmidt D.G. *Dnevnik. Tobol'sk — Tara — Tomsk (1721 g.)* [Diaries. Tobolsk — Tara — Tomsk (1721)]. Tomsk, 2021, 132 p. (In Russ.)
17. Miller G.F. *Istoriya Akademii nauk. Materialy dlya istorii Imperatorskoy Akademii nauk* [The History of the Academy of Sciences. Materials for the History of the Imperial Academy of Sciences]. Saint Petersburg, 1890, vol. 6. (In Russ.)
18. Mirzoev V.G. *Istoriografiya Sibiri. XVIII vek* [Historiography of Siberia. The 18th Century]. Kemerovo, Kemerovskoe kn. izd-vo Publ., 1963, 263 p. (In Russ.)

19. Napol'skikh V.V. *Udmurtskie materialy D.G. Messerschmidta* [Udmurt Materials by D.G. Messerschmidt]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 2001, 224 p. (In Russ.)
20. Novlyanskaya M.G. *Daniil Gotlib Messerschmidt i ego raboty po issledovaniyu Sibiri* [Daniel Gottlieb Messerschmidt and His Works on the Exploration of Siberia]. Leningrad, Nauka Publ., 1970, 184 p. (In Russ.)
21. Ol'denburg S.F. Nauchnaya ekspeditsiya [Scientific Expedition]. *Scripta antiquae. Voprosy drevney istorii, filologii, iskusstva i material'noy kul'tury* [Scripta Antiquae. Issues in Ancient History, Philology, Art and Material Culture]. Moscow, Sobranie Publ., 2017., vol. 6, pp. 514—550. (In Russ.)
22. *Pervyy issledovatel' Sibiri D.G. Messerschmidt. Pis'ma i dokumenty 1716—1721* [The First Explorer of Siberia D.G. Messerschmidt. Letters and Documents 1716—1721]. Ed. by E.Yu. Basargina. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2019, 310 p. (In Russ.)
23. Perri J. *Sostoyanie Rossii pri nyneshnem tsare (1698—1715 gg.)* [The State of Russia under the Current Tsar (1698—1715)]. Transl. by O.M. Dondukova-Korsakova. Moscow, Ob-vo istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom un-te Publ., 1871, 195 p. (In Russ.)
24. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg, Tipografiya II otdeleniya sobstvennoy ego imperatorskogo velichestva kantselyarii Publ., vol. 8, 1830, 1014 p. (In Russ.)
25. Savinov D.G., Tunkina I.V. *Sibirskaya kolleksiya D.G. Messerschmidta — pervoe nauchnoe arheologicheskoe sobranie Rossii* [The Siberian Collection of D.G. Messerschmidt — the First Scientific Archaeological Collection of Russia]. Saint Petersburg, Renome Publ., 2022, 552 p. (In Russ.)
26. Solov'ev S.M. *Sochineniya. Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [Works. The History of Russia from Ancient Times]. Moscow, Mysl' Publ., 1993, book 10, vol. 19—20, 752 p. (In Russ.)
27. Tunkina I.V., Savinov D.G. *Daniel' Gotlib Messerschmidt: U istokov sibirskoy arheologii* [Daniel Gottlieb Messerschmidt: At the Origins of Siberian Archaeology]. Saint Petersburg, ElekSis Publ., 2017, 168 p. (In Russ.)
28. Ustryalov N.G. *Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikogo* [The History of the Reign of Peter the Great]. Saint Petersburg, Vtoroe otd. sobstvennoy e.i.v. kantselyarii Publ., 1858, vol. 2, 582 p. (In Russ.)
29. Khaydu P. *Ural'skie yazyki i narody* [Uralic Languages and Peoples]. Transl. by E.A. Khelimskiy. Moscow, Progress Publ., 1985, 430 p. (In Russ.)
30. Chivtaev Yu.I. Predislovie [Preface]. *Messerschmidt D.G. Dnevnik: ot Mangazei do Irkutsk (1723 g.)* [D.G. Messerschmidt. Diaries: From Mangazeya to Irkutsk (1723)]. Irkutsk, Na Chekhova Publ., 2018, pp. 3—24. (In Russ.)
31. Shtelin Ya. *Anekdoty o imperatore Petre Velikom, slyshannyye ot raznykh znatnykh osob i sobrannyye deystvitel'nym statskim sovetnikom Yakovom Shtelinym* [Anecdotes about Emperor Peter the Great Heard from Different Nobles and Collected by the Active State Councillor Iakov Shtelin]. Moscow, Tip. Kompanii tipograficheskoy Publ., 1788, 429 p. (In Russ.)
32. *Ekspeditsiya Beringa: Sbornik dokumentov* [Bering's Expedition: Collection of Documents]. Compl. by A.A. Pokrovskiy, preface by I.D. Papanin. Moscow, Glavnoe arkhivnoe upravlenie NKVD SSSR Publ., 1941, 417 p. (In Russ.)
33. Bell J. *Travels from St. Petersburg in Russia to Various Parts of Asia*. Edinburgh, Robinson&Co Publ., 1788, vol. 2, 534 p. (In Eng.)
34. Smith V. Introduction. *Hosts and Guests: The Anthropology of Tourism*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press Publ., 1977, pp. 1—14. (In Eng.)
35. Strahlenberg Ph. J. von. *Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia*. Stockholm, 1730, 454 p. (In Germ.)